

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ТЕАТР

Мария Литвинова и Вячеслав Игнатов: Дети по-другому воспринимают мир

Ведущие режиссёры детского театра считают, что театр должен считывать, чем мир живёт, а может даже, наоборот, этот мир создавать

ОКСАНА АСТАФЬЕВА

Мария Литвинова и Вячеслав Игнатов, или просто Маша и Слава, как они представляются на своём сайте, — основатели театра «Трикстер» в Москве. В Перми режиссёры реализуют уже третий проект. После «Сказки, которая не была написана» в «Сцене-Молот» и спектакля — лауреата «Золотой маски» «Путешествие в страну джамблей» в Пермском театре оперы и балета они вновь взялись за оперу. Корреспондент «Нового компаньона» поговорил с режиссёрами в преддверии премьеры новой постановки — современной оперы для детей «Сад осьминога».

— Почему вы решили заниматься именно детским театром?

Слава Игнатов:

— В детстве я очень любил ходить в кино, на спектакли и, ещё будучи ребёнком, решил (сразу после того, как передумал быть космонавтом), что буду снимать детские фильмы и делать детские спектакли, когда вырасту. Ну, и с тех пор, в общем-то, последовательно шёл к этой цели: в школе ходил в театральную студию, потом поступил в Минске на актёрский факультет, потом в Питере на режиссёрский, потом познакомился с Машей...

Маша Литвинова:

— А у меня немного другая история. Это было лет десять назад. Мы со Славой тогда работали в театре «Тень» и были молодыми режиссёрами, подающими надежды. В этом качестве нам предложили съездить в Финляндию на мероприятие, посвящённое опере для детей. Мы тогда насмотрелись такого количества плохих детских спектаклей! Почему это называлось операми, хотя актёры ужасно пели, — это была просто художественная самодеятельность.

То же самое происходило и у нас в стране, в общем-то. В профессиональном кругу всегда, что скрывать, было пренебрежение к детскому театру: мол, сейчас мы это быстро сделаем, а потом займёмся настоящим искусством. Словом, захотелось изменить эту ситуацию и делать качественные спектакли для детей, которые будут не хуже, чем взрослые.

— Детский театр вообще сильно отличается от условно «взрослого»?

Маша:

— Да не особенно. Надо просто качественно делать продукт, тогда и взрослые будут в восторге от того, что они увидят. Если это качественный, честно сделанный спектакль, то какая разница, для детей он или для взрослых? На наши спектакли с маркировкой «6+» часто приходят взрослые даже без детей и выходят в слезах и говорят: «Это про мою жизнь!»

Слава:

— Разница в том, что дети по-другому воспринимают мир: они менее усидчивы, чем взрослые, им сложнее удерживать внимание, и, главное, они не воспринимают идеи на уровне словесных

конструкций, а мыслят образами, картинками. Поэтому, например, мораль, которая часто выражена в спектакле словами, — мол, давайте жить дружно, — не работает. Для ребёнка это вообще ничего не значит. Если капитан Крюк в этом спектакле был самый классный, весёлый и задорный, ребёнок, скорее всего, эту роль на себя и примерит, нежели роль Питера Пэна. Так что надо понимать, что через спектакль мы показываем модели поведения, которые ребёнок считывает и воспроизводит.

— Поэтому вы придерживаетесь принципа бесконфликтной драматургии?

Слава:

— Мы просто предлагаем совершенно другие способы решения конфликтов. Мы хотим показать, что конфликт в мире не является необходимостью. Мир такой, какой он есть, это человек его делает плохим или хорошим в зависимости от своего отношения. В самом мире нет конфликта. Даже если, например, происходит землетрясение, это не конфликт, это процесс изменения природы. Буря — она не плохая и не хорошая, это вечный процесс изменения. Не надо ребёнку навязывать своё мировоззрение и пытаться сказать, что плохого персонажа надо непременно казнить, убить, сварить в молоке. На самом деле совершенно не очевидно, на чьей стороне окажется ребёнок. Возможно, он вместо морали усвоит продемонстрированную модель уловок и вранья.

— Какие из происходящих сейчас в театре явлений вы бы отметили? Что кажется вам любопытным?

Маша:

— Сейчас театр движется к синтезу жанров, к объединению форм. Возьмите, например, «Соловья» Лепажа — что это? Там совершенно гениальная работа с куклой, при этом артисты восхитительно поют, находясь по пояс в воде. Мы, конечно, по традиции даём этому какое-то название, скажем, «опера», но на самом деле одно от другого неотделимо, это — целостное произведение искусства. То же самое можно сказать про наши спектакли. Таким, на мой взгляд, театр и должен быть. Он должен использовать все выразительные возможности, все доступные тех-

ФОТО ДАРЬЯ ГЛОБИНА

нологии и, главное, воспринимать современные взгляды на жизнь. Театр должен считывать, чем мир живёт, а может даже, наоборот, этот мир создавать...

Слава:

— Говорить на современные темы, транслировать современное мировоззрение, научное мировоззрение... Сколько уже можно пережёвывать одни и те же темы? Уже давно даны на эти темы ответы, найдены решения. А если ты не можешь дать ничего нового, зачем ты это делаешь? Не надо тратить час, два часа жизни зрителей, чтобы сказать какую-то очевидную вещь. Спектакль нужно делать тогда, когда только в этой форме можно смоделировать нужную ситуацию. В нашем случае это путешествие в идеальный мир, в который не ступала нога человека, мир, в котором животные живут сами по себе.

— Вы часто говорите о том, что детский театр должен дать ключи для восприятия искусства. Что вы под этим подразумеваете?

Слава:

— Я очень хорошо себя помню ребёнком и помню, как я сидел на концерте классической музыки и меня эта музыка не трогала, я пытался понять, про что это и зачем. И дети, и взрослые, которые не сталкивались с этой музыкой, у которых нет опыта, наслушанности, просто не понимают, что происходит. С ними говорят на другом языке, которого они не знают. А ведь на самом деле эта музыка очень драматична, в ней происходят столкновения идей, мыслей, ощущений. Наверняка мои слова у многих музыкантов вызовут смех, потому что им это кажется очевидным, но для того чтобы это услышал человек неподготовленный, нужно создать определённую почву. Нужно уметь объяснить, увлечь, показать.

Как только появляются правильные образы, когда человек вовлекается эмоционально в происходящее, мозг сам схватывает правила игры и понимает, как это работает. До тех пор, пока мы это не уловим, нам и не будет нравиться ни сложная академическая музыка, ни современное искусство, потому что нам не нравится чувствовать себя бестолковыми. То, что мы не понимаем, мы отторгаем.

Маша:

— Это нормально, и так было всегда. Когда мы приходим на выставку и видим традиционный, скажем, пейзаж, мы понимаем, что это такое, и чувствуем себя спокойно и уверенно: наши ожидания оправдались, наши представления о том, что такое искусство, подтвердились. А когда мы приходим на выставку современного искусства и видим что-то неожиданное, мы испытываем стресс, поскольку стресс — это и есть реакция организма на непонятное. Но из той же биологии известно, что стрессоустойчивых людей только 10%, это те, кто в прежние времена уходил с освоенных территорий и открывал новые земли, кто готов воспринимать новое и создавать его. Остальным нужно время, чтобы привыкнуть к чему-то новому, и ключи, чтобы понять его.

Мы стараемся на этом поле играть, создавая максимальный спектр образов. Даже если это будет выглядеть необычно или преувеличенно, так, как ты никогда в жизни не увидишь, в этом всё равно есть правда, потому что нет единого способа представления или восприятия. Фантазия, как и сам мир, намного богаче, чем мы привыкли думать. Увлечь этой игрой, вовлечь в этот полёт фантазии мы и пытаемся.

Печатается в сокращении.

Полная версия — на сайте newsko.ru